

Заключение

Я вернулся в Торжок спустя полгода, в декабре, и впервые увидел Торжок зимой, да еще в самую стужу, когда мороз достигал тридцати пяти градусов. Говорят, такого здесь еще не было... Зато все остальное, похоже, без перемен.

Все так же на завтрак кормят котлетами в санатории «Митино»; еду развозят на тех же скрипящих тележках те же работницы, перекрикиваясь и бранясь теми же словами; в меню вместо значения для организма витаминов указывается о значении белков; план эвакуации висит на том же месте, и стрелками отмечено, что бежать из столовой надо в том же направлении...

Так же одиноко стоят старинные постройки в Музее деревянного зодчества. Только теперь они запорошены снегом и выглядят еще более безжизненными и уязвимыми.

Тверца замерзла и занесена снегом. На берегу несколько мужиков выбивают и чистят длинные санаторные ковры и дорожки...

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Дорога, ведущая из Митина в Прутню, по которой, кажется, совсем недавно мы неторопливо шли с Режиссером, исправно расчищается от снега, и потому без труда можно проехать к старому погосту, на котором покоится прах Анны Петровны Керн. Кладбище и церковь выглядят зимой одиноко, но не заброшенно... Кстати, Режиссер за это время закончил работу над новым спектаклем,

отметил премьерой свой юбилей и уже приступил к созданию чего-то нового: «Работать надо! А то все болтаем, болтаем...»

Газета «Новоторжский вестник» так же исправно печатает стихи ко дню рождения своих читателей, а в коридоре перед комнатой литобъединения «Тверца» все та же надпись «Галя, скоро буду». Стены в общежитии, видимо, недавно покрасили, но надпись эта все равно проступает, и, кажется, уже ничто не способно ее уничтожить. Самих поэтов не застал, но, как выяснил, все они в полном здравии, решают свои житейские проблемы и пишут стихи. А у братьев Рысенковых даже вышел первый в их жизни сборник стихов под названием «Запоздалые молитвы». Кроме того, братьев приняли в Союз писателей России – для Торжка событие!

В Училище художественной вышивки своей чередой идут занятия. В Музее золотного шитья все экспонаты на месте и костюм «Зимой по Невскому» радует душу по-прежнему.

Хлеб в Торжке за полгода подорожал всего на сто рублей. На улицах можно увидеть и дорогой мерседес, и лошадей, запряженных в сани. Все это уживается, и на подобный контраст внимания никто не обращает. Собственно, это и не контраст никакой: это в Москве лошадь с санями диво. А в Торжке это норма, также как и дорогой мерседес. Что еще?

Валентина Федоровна Кашкова издала свою новую книгу, и это тоже стало событием в жизни Торжка. О чем книга? О Пушкине! Я опять был у Валентины Федоровны в гостях. Она угощала меня очень вкусным борщом, сладким пирогом да еще, догадайтесь, чем? Ну конечно, котлетами.

Вечером 17 декабря в библиотеке прошла презентация книги Валентины Федоровны «Я к вам лечу воспоминаньем...». Была стужа, рабочий день, к тому же городская библиотека находится далеко, не в центре Торжка. Так вот, на встречу с Кашковой пришли не менее ста человек! Для небольшого города это много. Вновь я видел знакомые лица, заинтересованные глаза, слышал спокойную искреннюю речь...

Пройдет еще полгода, и здесь снова будут отмечать Пушкинский праздник поэзии. Вновь на берегу Тверцы пройдет

ярмарка, будут петь и плясать новоторы. И вновь приедут гости из соседних сел и деревень, со всей Тверской области, из других городов России. Дай Бог и нам еще раз здесь побывать...

Спасибо организаторам пушкинских дней за приглашение в Торжок, а моему приятелю-редактору за то, что командировал меня в этот город и я смог познакомиться с его историей, с людьми, которые, надеюсь, станут моими добрыми друзьями. Наконец, я просто рад тому, что появилась возможность написать этот очерк...

Благодаря Торжку я открыл для себя совершенно особого Пушкина. Пушкина, находящегося в пути, в дороге, в движении. Он проезжал через Торжок более тридцати раз! Тверской Пушкин – путешествующий.

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...*

Это тверской Пушкин! И, знакомясь с *таким* Пушкиным, невольно задаешь вопросы: почему он бежал из обустроенных и уютных столиц в сельскую глушь, например в тверскую? От чего и от кого убегал?

Может, от себя? Но куда же от себя убежишь?

От невыносимой жизни вокруг? Но где и когда она, эта жизнь, была «выносима» для таких, как Пушкин?

Тогда я обратил внимание на то, что и другие наши великие тоже постоянно куда-то бежали: вот колесит в своей кибитке Гоголь; едет на край света Чехов; куда-то уходит Толстой; путешествуют Достоевский, Бунин... Может, и они от чего-то убегали, от кого-то скрывались, прятались или, может, просто двигались, чтобы в

движении обрести хоть какой-то покой? Только какой покой в движении?

И я понял, что ни от кого и ни от чего они не убегали, а, напротив, сами старались догнать, поймать, уловить...

Кого же?

Есть у нас, русских, в характере одна особенность, не совсем нами же любимая и почитаемая: долготерпение к своим бедам. Этакое непротивление своему унижительному, рабскому и нищенскому существованию. Не *непротивление злу насилием*, а просто *непротивление злу*.

Откуда это?

Быть может, эта черта русского характера – в природе наших огромных, необъятных пространств, куда русский человек, послав все подальше, мог безоглядно бежать? Ведь у него всегда был шанс спастись уходом или даже бегством и, значит, была возможность выбирать: стоять насмерть перед лицом беды или уйти от нее.

У какого еще народа был такой выбор?!

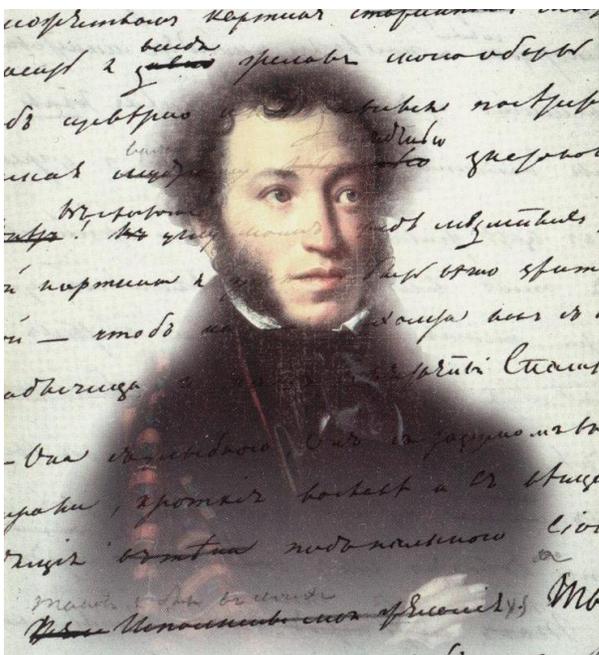
Итак, безоглядное бегство как способ борьбы с напастями, как форма выживания и возможность безнаказанного протеста. Русский человек бежал, его преследовали напасти, он снова спасался бегством, его вновь и вновь догоняли... и так без конца, потому что ни у пространства нашего, ни у наших невзгод конца нет. Мы и в самом деле кочевники, как уже о нас кто-то сказал. Но кочевники особенные: голодные и обездоленные, мы не преследуем добычу, а, напротив, бежим – в вечной надежде ею не стать.

Вспомните картину «Смерть переселенца». Вот и ее, в свою очередь, тоже написал передвижник...

Так вот, эта «разбегающаяся» во все стороны измученная страна, это вековое бегство, этот хаотичный, неорганизованный исход – без пророка, без пастыря, но самочинно, в разные стороны, куда глаза глядят – выработали одну из самых очевидных черт в нашем характере: мы беспокойны! Мы как будто всегда в ожидании дороги, пути, где главный смысл все-таки в *ожидании*. Когда куда-то едем из своего дома, то не кажется ли, что гораздо больше ждем саму

дорогу, чем цель нашего следования? Так же и обратно: дорога домой, ожидание возврата – более трепетно, чем сам дом, где очень часто нас поджидают лишь новые беды и тревоги. Блуждающая, не сидящая на месте душа наша как будто еще при жизни оставила тело. Не потому ли правильнее нас называть «бездушными», чем «бездуховными»?

Какой же путь надо успеть проделать тому, кто призван стать *Ловцом человекoв!* Какие пространственные расстояния должен

преодолеть и каких духовных высот достичь тот, кто взял на себя поиск живых, но не мертвых душ!

Только в движении, в бесконечном пути можно уловить эту видимую, но постоянно ускользающую нить народного характера. Вот почему наши великие – Путешественники. Они не убегают, но догоняют, ловят, собирают... и от этого не могут никак стать нашими пастырями (поэтому и нет у нас добрых пастырей), – ведь они всегда в погоне за разбегающимися в разные стороны душами и, значит, всегда позади, в конце. Они – наши великие *закрывающие!*

Вот почему дорога – спутница жизни всякого ищущего сердца, и прежде всего – Александра Сергеевича Пушкина, первого из всех так близко подступившего к русской душе. Он и до сих пор путешествует неотрывно с нею. Так вцепился! Так схватился! Что, скорее всего, уже никогда эту душу от себя не отпустит. И пока будет Россия – в каждой живущей здесь душе пушкинская строка отзовется добрым и бесконечным эхом.